А.А.ПАУТКИН

ДРЕВНЕРУССКИЕ СВЯТЫЕ КНЯЗЬЯ. АГИОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СИСТЕМА.

В сонме чтимых у нас святых князья занимают особое место. Первыми русскими святыми суждено было стать в XI столетии именно князьям Борису и Глебу, а тысячелетие принятия христианства ознаменовалось канонизацией в числе прочих подвижников Димитрия Ивановича Донского. Эти вехи - хронологические границы многовекового процесса сложения корпуса почитаемых церковью и народом святых князей Древней Руси; процесса, в результате которого возникла своеобразная культурно-историческая система, обладающая известной завершенностью и устойчивостью. Обращаясь к ней, мы соприкасаемся с различными сферами гуманитарного знания. Перед нами не только факты церковной истории, показатели драматизма эволюции государственности, мировоззрений или отблеск минувших политических страстей, но - особый фрагмент отечественной культуры, связанный с историческим самосознанием и литературным развитием. Круг литературных источников разных жанров и эпох, проливающих свет на эту проблему, весьма обширен. В большинстве своем они, будь то жития, повести, слова, послания или духовные стихи, так или иначе соотносятся с летописанием, которое само по себе дает немало княжеских жизнеописаний или рассказов о трагических событиях, приобретавших агиографическую окраску.

Уже при беглом ознакомлении с этим чином русской святости возникает желание попытаться увидеть нечто большее ,чем простую череду сменяющих друг друга деятелей разного масштаба, отмеченных в отличие от всех прочих особым образом, получивших высшее признание. Действительно, ведь речь идет о людях, живших в миру, властителях, высвеченных всей средневековой культурой. Они всегда были на виду, не изолировались от социальной жизни, благодаря своему положению были способны принимать решения, влиявшие на жизнь простого люда. Даже подчиняясь установлениям времени, представители знати обладали более свободным выбором поведения по сравнению с выходцами из других сословий. Эти люди до известных пределов сами делали свою судьбу. Не следует забывать и о родственных отношениях, связывав-

гих всех представителей княжеского дома. Генеалогическое и ретроспективное сознание побуждало князей соотносить себя с деяниями предков, как бы занимать определенное место в некоей системе. Но и последующее их суммарное восприятие, бытовое и литературное, прошлое и нынешнее, подталкивает к тому, чтобы попытаться выявить некоторые закономерности сложения и жизни этой во многом уникальной культурно-исторической системы. Содержащиеся в статье наблюдения не претендуют на всеохватность и исчерпывающую полноту, их скорее можно назвать постановкой проблемы.

Наиболее авторитетные работы, посвященные "герменевтике русской святости"[1] принадлежат Г.П.Федотову. Эти труды, охватывающие огромный фактический материал, приобретают ныне особое методологическое звучание. Наряду с исследованием народных верований, истории канонизации, древнерусского этического сознания, Г.Федотов уделил внимание и отдельным сторонам интересующей нас проблемы. Так в самой известной из его книг "Святые древней Руси" имеется небольшая обзорная глава "Святые князья". Наметив несколько групп прославляемых правителей /"равноапостольных, князей-иноков, князей-страстотерпцев и, наконец, прославленных своим общественным служением"[2]/, исследователь переходит к последовательному, но краткому ознакомлению читателя с главными фигурами в каждой из групп.

Эти конкретные суждения, как и положения, выдвинутые исследователем в иных работах, и позволили нам сделать свои наблюдения по поводу древнерусской княжеской святости, попытавшись, насколько это возможно, примирить две противоположные позиции, одна из которых представлена Г.Федотовым, утверждавшим, что "церковь не канонизирует никакой политики"[3], другая – современным историком А.С.Хорошевым, назвавшим свою книгу "Политическая история русской канонизации /XI-XVI вв./".[4]

Известен разносторонний интерес к прошлому в феодальную эпоху. Тягу средневекового человека к минувшему французский историк Жак Ле Гофф образно назвал "продвижением вперед с обращенным назад взором"[5]. Сосуществовали несколько своеобразных систем воспоминаний. И, прежде всего, священная история, литургический год с его поминаниями, генеалогическое сознание и, наконец, летописание. А.Я.Гуревич справедливо отмечает, что в средние века массовое "историческое сознание преимущественно формируется не учеными сочинениями, а легендами, преданиями,...эпосом, мифом,..жития-

ми святых".[6] Идеализированные судьбы почитаемых представителей княжеского рода, как средоточие действительных и вымышленных свойств, став своеобразной мифологией, безусловно, воздействовали на умы приверженных старине русичей. И, возможно, питали извечную русскую веру в благочестивого, доброго царя.

М.М.Пришвин в дневниковых записях 1938 г. задавался вопросом: "По жертве чувствуете вы жизнь или по деятелю? Мы, старые люди, привыкли складывать мнение по состраданию к жертве. Теперь нас просят сочувствовать деятелям и оттого непременно быть оптимистами"[7]. Наши предки оценивали жизнь по жертве. Древнерусская княжеская святость по-особому высвечивает тему исторической жертвенности, насилия в истории. Конечно, среди канонизированных правителей были и деятели, которых Л.Н.Гумилев назвал бы пассионариями, но все же, если сейчас обратиться к княжеской святости на Руси, перед нами открывается как бы вторая история, лишенная во многом победного грома, история страдания, самоотвержения, неудач, а подчас и сознательного отказа от суеты мирской жизни. Перед нашим мысленным взором возникают две дороги во времени. По одной, торной и ведомой многим, прошли триумфаторы, здесь господствовали целесообразность и успех. А вот эта – другая, не менее важная для понимания национальной культуры, проложена личностями иного склада, в судьбе которых созидание духовное часто преобладало над устремлениями политическими.

Страдание приближает властителя к простому человеку, делает князя определенным символом, столетиями утверждая особую русскую черту – жалость и сострадание к исторической жертве, подчас логически необъяснимую симпатию к неудачнику, ясное и простое восприятие истории и ее своеобразной бинарности, резкой противопоставленности добра и зла, праведности и греховности. При этом начало нравственное всегда персонифицировано, тогда как злодейство, за некоторыми исключениями, выступает в виде некоей "коллективной силы"/ часть населения какой-либо местности, заговорщики, представители иной веры, иноземные захватчики и т.д./. Язычниками убит Михаил Константинович Муромский, киевлянами Игорь Ольгович, заговорщиками – Андрей Боголюбский, Ярополк Изяславич, царевич Димитрий. От татар пострадали Георгий Всеволодович, Михаил Черниговский,

Василий Константинович Ростовский, Константин Всеволодович Ярославский, Роман Рязанский, Михаил Тверской и некоторые другие.

Показательно, что страсти ,которые претерпевает князь, способны затмить впоследствии его прежние прегрешения /например,разорение Андреем Боголюбским Киева/ и даже нелюбовь населения /вспомним, что тела Игоря Ольговича и Андрея Боголюбского брошены на поругание/. Это подтверждает мысль Ю.М.Лотмана о том, "что практически для общества существуют не все поступки индивида, а лишь те, которым в данной системе культур приписывается некоторое общественное значение. Таким путем общество, осмысляя поведение отдельной личности, упрощает и типизирует его в соответствии со своими социальными кодами"[8].

Произведения разных жанров, повествующие об этих князьях, как правило оттеняют момент нравственного выбора героя. Это может быть нежелание идти на Киев /Борис и Глеб/, отказ от междоусобиц /Василий Всеволодович Ярославский/, добровольный отказ от власти и богатства /Андрей Дмитриевич Вологодский/,нежелание поклониться идолам /Михаил Черниговский/ или стремление пострадать за "люди своя"/Михаил Тверской/.

Но есть и еще один момент, позволяющий говорить о психологической доступности рассматриваемых культов простому человеку. Почитаемые с разных времен князья и княгини входят не только в местные пантеоны, но подчас демонстрируют как бы семейно-родственный характер святости, что определяет особый психологический настрой в восприятии деяний определенных князей, их семейных ответвлений от генеалогического древа. Приведем примеры : святые братья Борис и Глеб, Василий Всеволодович и Константин Всеволодович Ярославские; Александр Невский и его старший брат Федор Ярославич. Отец и сыновья - Федор Ростиславич Черный с Давидом и Константином Ярославскими ; Константин Святославич с Михаилом и Федором Муромскими. Муж и жена - Михаил Тверской и Анна Кашинская, Петр и Февронья Муромские, Димитрий Донской и Ефросинья, Довмонт Псковский и Марфа. В ряде случаев почитаются три поколения князей - дед, отец и внук: Мстислав Великий /ум.в1132 г./, Ростислав /ум. в 1167 г./ и Мстислав Храбрый/ 1180 г./ или дед, мать и внук - Михаил Черниговский, Евфросинья Суздальская и Олег Брянский. Показательно, что в одном из поздних духовных стихов о Федоре, Давиде и Константине Ярославских,содержащем заговор

от "зельныя печали", как раз говорится о семейных невзгодах Ярославского князя.

Несмотря на то, что в духовных стихах подавляющее число героев берется не из отечественных святцев, а из "литургически данных великомучеников греческой церкви"[9], народная точка зрения на князя по-разному отражалась в древнерусских памятниках : в фольклорном характере изображения /княгиня Ольга, Петр и Феврония/, в описании сцен всеобщей скорби по поводу кончины князя, в антиисторических подменах, продиктованных возрастанием популярности конкретного князя /"Повесть о начале Москвы"/.

Княжеское землевладение, отраженное в летописании,[10] позволяет отчетливо представить как перемещения правителя /естественные и вынужденные/, так и неразрывно связывает деятельность князя с определенной местностью. Даже редкие князья-изгои, утратившие или оставившие свои владения, скитающиеся или заточенные /напр., Андрей Смоленский, Никола Святоша, Иоанн Андреевич Углицкий, заточенный во младенчестве или Андрей Заозерский/, связаны своей судьбой с какой-то областью Руси. Так обстоит дело и с почитаемыми князьями, которые остаются местночтимыми, и с другими, признанными небесными покровителями всей русской земли. Даже перенесение мощей /Михаила Черниговского - в Москву, Александра Невского - в Петербург/ или иноземное происхождение святого /Довмонт- литовец, Петр - татарин, Анна-Ингегерда - шведка/ не нарушает эту географическую связь. Если мы посмотрим на "карту древнерусской княжеской святости", то заметим города и княжества, давшие Руси множество святых князей или лишенные их вовсе, города, где почитаются только княгини или целые семьи. До известной степени это связано со значимостью того или иного центра, протяженностью его истории, степенью ее трагичности, областными культурно- историческими традициями, народными представлениями о характере местных правителей, условиями сложения центральных и местных культов.

Более всего имен почитаемых князей связано с Киевом, Киевской землей /более десяти/, это все князья и княгини домонгольской поры. Вдвое меньше имеют Муром и Ярославль. По четыре - Псков, Владимир и Москва. Три - Новгород, по два - Чернигов, Тверь, Ростов, Углич. И менее всего - Суздаль, Переяславль, Полоцк, Рязань, Нижний Новгород и Вологда. Заметно почти полное отсутствие почитания западных и юго-западных князей, отсутствие таковых в Москве

до канонизаций нового времени. Только святые княгини прославили Полоцк, Вязьму, Суздаль и Нижний Новгород /всего около полутора десятков почитаемых женщин княжеского рода/. Подавляющее большинство из них почитается как инокини, основательницы монастырей. Первой из русских княгинь, постригшихся после смерти мужа, стала Анна /Ингегерда/, жена Ярослава Мудрого. Г.П.Федотов в "Очерках русской религиозности" отмечает, что"в древней Руси безразлично относились к почитанию святых дев".[II] К ним можно отнести лишь ученую книжницу Евфросинью Полоцкую и Иулианию Ольшанскую /позднее почитание/. Но и среди женщин были свои страдалицы. Две княгини приняли мученическую смерть : тетка Довмонта Псковского Евпраксия была убита пасынком, а Иулиания Вяземская убита вместе с мужем похотливым Юрием Смоленским /"Сказание о князе Юрии Святославиче, князе Симеоне Мстиславиче и о княгине его Ульяне, иже мученически скончашася"/.

На конец ХХ в. около двух десятков древнерусских правителей имеют церковные службы. Из пятидесяти с лишним почитаемых князей и княгинь потомки Мономаха составляют подавляющее большинство /около двух десятков/. Конечно, мономаховичи - ветвь "самая обильная талантами"[I2]. Однако многие из них начинают почитаться именно с ХУ-ХУI вв., когда на Москве особенно пекутся о своих истоках, мономаховом племени. Их противников - Ольговичей-много меньше. Возможно здесь сказалась репутация князей, призывавших на Русь степняков. Любопытно, что их почитание, да и почитание представителей других ветвей относится либо к древнейшему периоду/напр., Игорь Ольгович, убитый киевлянами/, либо к более позднему времени /напр., внук Михаила Черниговского Олег Брянский - 1903 г./. Большую группу из пулутора десятков имен составляют великие князья.

Титул князя - это его место в феодальной иерархии, это- власть и богатство. И хотя в 80-е годы ХШ в. Яков Черноризец в послании к ростовскому князю Димитрию Борисовичу писал :"Имя бо велико не введет во царство небеснее..."[I3], борьба за верховное положение, за громкое имя и ранее, и потом принимала самые жестокие формы. Особенно мрачна в этом отношении борьба московских и тверских князей за ярлык на великое княжение. Она во многом определила моральный облик московских князей. Отметим, что младший сын Александра Невского Даниил Московский и его правнук Димитрий Дон-

ской канонизированы только в новейшее время /ХУШ и ХІвв./.Более мы не найдем почитаемых московских правителей /за исключением местночтимой жены Димитрия Донского Евфросинии/. Не в последнюю очередь это связано с кровавыми делами потомков Даниила /"Кровь братии своей пити яко есть некоторым издавна обычай",- Андрей Курбский о московских князьях[14]/. Стараниями Георгия Даниловича, женатого на любимой сестре хана Узбека Кончаке /Агафье/, замучен в Орде Михаил Ярославич Тверской /1319 г./. В Орде же убиты его сыновья-тверские князья Димитрий Михайлович, отомстивший Георгию московскому за отца, Александр Михайлович вместе с малолетним сыном Федором. Интересно, что ранее Иван Данилович Калита, преследуя Александра Михайловича, скрывавшегося в Пскове, добился от митрополита Феогноста совершенно невероятного - наложения проклятия, отлучения от церкви и псковичей, и Александра. Потом это проклятие с псковичей снимут. Позднее на Руси анафеме /первая неделя Великого поста/, то есть изгнанию из общества верующих, будут предаваться только самозванцы /Отрепьев, Разин, Тимошка Анкудинов, Пугачев/ или раскольники, Мазепа, для которого Петр I выдумал даже "антиорден" Иуды. Таким образом, представители московской княжеской ветви приняли своеобразное "воздаяние" за неразборчивость в средствах, жестокость и хитрость в проведении политики по возвышению Москвы. Что же касается Александра Михайловича, то это фигура по-своему уникальная : тверской князь подвергался и анафеме и епархиальной канонизации в ХУ в.[15]

Историки летописания, констатируя "отсутствие памятников московской политической мысли до последней четверти ХІУ в."[16] в безмолвии летописцев видят показатель того, что "политика предков Димитрия Донского была мало популярна и ее трудно прославить"[17]. С этой же проблемой столкнулись в эпоху изменения отношения к княжеской святости создатели "Степенной книги". А ведь это период изощренных исторических манипуляций, тенденциозного освещения ряда событий и личностей. Вспомним хотя бы Шестую степень - переход власти из Киева во Владимир.[18]

Гордыня всегда признавалась церковью главной причиной греха, она препятствует покаянию. Поэтому прославляются именно смиренные или представляемые в поколениях таковыми правители. Власть, сила, господство над окружающими и смирение - часто ли способны ужиться эти свойства в одном человеке ? Древнерусская литература,

начиная с противопоставления Бориса и Глеба Святополку /тела мучеников источают благовония, тело их мучителя - "смрад злый"/, предлагает нам конкретные примеры различного ответа на этот вопрос, выстраивая череду как идеальных ,так и отвергаемых образов. Княжеские жития, летописные биографии и иные памятники дают большое число изображений князей-злодеев. Вот только ранние примеры. Гордыней обуяны Олег Гореславич, который "мечем крамолу коваше и стрелы по земле сеяше",и Святополк с Давыдом, ослепившие Василька Теребовльского, и рязанские Глеб с Константином, убившие в 1217 г. на пиру одного родного брата и пятерых двоюродных. Два последних злодея прямо сравниваются летописцем с Каином и Святополком. Подобно Святополку,они находят свой конец в нечистом месте,- бегут навсегда в половецкую землю. Такой же итог деяний другого князя-злодея : убийца святой Иулиании Вяземской Юрий Святославич Смоленский,по сообщениям московского летописания XV в., бежит в Орду.

Канонизация, как справедливо замечает Г.Федотов,-"устанавливаемый церковью выбор".[19] Действительно, не все безвинные и смиренные жертвы официально почитаются. В качестве примера исследователь приводит имена князей, известных нам по "Повести" о разорении Рязани Батыем". Не канонизированы, например, и многочисленные жертвы двух упоминавшихся рязанских злодеев. Интересно, что памятники древнерусский письменности дают нам примеры изображений или прославлений князей, явно ориентированных на установление дальнейшего церковного почитания героя, которое,тем не менее,не было установлено. Это литература "невостребованной святости". Ярким примером такого произведения является летописная биография и посмертная похвала Владимира Васильковича, перекликающаяся по своей форме со знаменитым "Словом о законе и благодати" митрополита Иллариона. Волынский летописец прославляет своего героя иначе, чем это сделал по отношению к Даниилу Галицкому другой мастер летописной биографии XIII в. Создается образ смиренного страдальца. Повествование завершается словами, выдающими конкретную цель сочинения : спустя несколько месяцев после кончины князя все видят чудо - его тело источает "аромат многоценный".[20]

Сейчас можно только предполагать, почему старания волынского книжника не увенчались успехом. Возможно, из-за того, что скоро юго-запад Руси попал под влияние католиков и язычников Лит-

вы, а через 80 лет после смерти Владимира Васильковича в Галиции был создан католический епископат. Важно, что это далеко не единственное произведение, форма которого определена недостигнутой целью. Вспомним хотя бы тверское житие Михаила Александровича, не причисленного к лику святых, "Слово похвальное инока Фомы" или Слово, произнесенное первым патриархом Иовом по случаю кончины Федора Иоанновича. Все эти произведения свидетельствуют о сходных устремлениях их создателей.

Можно отметить и факты обратного свойства. Так ряд исследователей считает, что местное, а не общерусское почитание Довмонта Псковского обусловлено отсутствием в псковских письменных источниках сведений о чудесах Довмонта, а. возможно, более летописной природой повестей о нем. Вспомним и то, что ранние списки"Повести о Петре и Февронии" связаны только с серединой ХУI в., временем их канонизации, что сильно затрудняет изучение истории текста памятника.

В княжеском культе есть свое детство, юность, зрелость и старость, как в жизни человека или государства. Количественные сопоставления данных о святых князьях, принадлежащих к тому или иному столетию русской истории, и распределение их канонизаций по векам показывает, что наивысшие значения приходятся соответственно на ХШ и ХУШ вв. ХШ в.- период утраты Русью независимости дал особенно много святых князей и ,напротив, время национального самоутверждения после крушения татарского ига и падения Царьграда - малое их число. Количество князей ХШ в., причисленных впоследствии к лику святых, в два - три раза превышает их число в XII и XIУ столетиях. Этот период принес также перемены в характер изображения человека и его деяний. Героика исторических повествований приобретает трагическое звучание, а подвиг защитника Руси окрашивается в тона страдальчества. Затем идет стремительное снижение числа святых правителей. Вообще же из всех князей и княгинь X-сер.ХШ вв. ныне почитается около 6 %. Трагические периоды дают не только больше всего небесных покровителей Руси из княжеского рода, но и вызывают усиленное обращение к их памяти и заступничеству. Подтверждают это и события нынешнего атеистического столетия : в тяжелейшие месяцы Отечественной вой-

ны власть "воскрешает" для официальной пропаганды имена святых князей-воинов, утверждает орден, носящий имя одного из них /1942 г./

Постепенно нарастая, княжеская канонизация достигает наивысшей своей точки в XVI в., а затем происходит заметное её снижение до того незначительного уровня, на котором она и находится последние четыре века / две- три канонизации в сто лет/.

В XVI в. наряду с централизацией государственной, происходит не только количественный рост почитания князей, но и своеобразная централизация культов. Тут просматривается определенная тенденция формирования общерусского пантеона : при переводе "в ранг общецерковных...явное предпочтение отдавалось святым из епископов, монахов и юродивых, а не из удельных князей".[21] Канонизированы только Александр Невский и Михаил Тверской /1547 и 1549 гг./. Общее же число удельных местночтимых князей велико. Можно сказать, что история Руси, представляемая по святым князьям, приближена к простому человеку, к месту его проживания и децентрализована. Эту ситуацию XVI в. эмоционально охарактеризовал Н.М.Никольский : "Удельные князья,как и следовало ожидать, были лишены не только земных, но и небесных престолов".[22] Действительно, при Иване IV идеалы все больше превращаются в интересы, собирание подвижников /до его царствования всей церковью почиталось лишь 22 святых/ подчиняется логике собирания земель вокруг Москвы. Даже мученичество воспринимается Иваном как обязанность служения царю.[23] При этом воспоминания о святых князьях в публицистике соотнесены с трагедией представителей знатных родов или имеют мстительный характер в зависимости от позиции автора. Вот лишь два противоположных примера : "По роду влекоми от великого Владимера, от племяницы великого князя Михаила Черниговского, еже убиен от безбожного Батыя...по и те сродницы его, кровию венчавшеяся, преложени суть, пострадавшия неповинне, к пострадавшему за Христа и представлени мученик к мученику",- так писал о жертвах царя Ивана Андрей Курбский в "Истории о Великом князе Московском".[24] "И князь Федор Ростиславич, прародитель ваш в Смоленске на Пасху колики крови пролил есть. И во святых причитаются",-[25] это уже первое послание Ивана Андрею Курбскому. Обращает на себя внимание и тот факт, что из огромного числа пострадавших князей, представлявших древния роды, никто в последствии к лику святых причислен

не был. Из жертв этой эпохи канонизирован только митрополит Филипп.

С течением времени происходит утрата прежних представлений о князе, его роли в обществе. По меткому замечанию И.Е.Забелина, "...тип древнего князя, переходя в своем развитии из фазы в фазу, к концу пути вовсе разложился, угас, оставив по себе одно имя как археологическую редкость и достопамятность".[26] Князья, как и дворяне, станут служить московскому государю. На смену рассуждениям о пределах княжеской власти придет идея верного служения.

"Народ отвык в нас видеть древнюю отрасль
Воинственных властителей своих
Уже давно лишились мы уделов,
Давно царям подручниками служим",-говорит князь Воротынский князю Шуйскому в пушкинской трагедии "Борис Годунов".[27]

Таким образом, ХУI в. - период, когда особенно культивируется государственная и религиозная исключительность, оказывается временем, с одной стороны, наибольшего пополнения пантеона за счет местночтимых древних князей, а с другой,- угасания княжеской святости, связанного с сакрализацией царской власти, с тем, что Г.Федотов считал перенесением на Русь "греческого идеала власти".[28]

Когда Г.Федотов отмечает недостаточную четкость границы "между святыми и не святыми" князьями "при возглашении вечной памяти"[29] усопшим, он опирается как раз на поздние факты ХУI-ХУП вв. Не вызывает сомнения утверждение исследователя, что княжеский культ возникает из "национального почитания предков"[30]. Но, начиная с ХУI в., есть и другие примеры подобного неразличения, свидетельствующие именно об угасании культа, его сильнейшей государственной окрашенности. "Степенная книга" ориентирована на показ всех правителей как святых, в росписях Архангельского собора Кремля все князья изображаются с нимбами. В еще более поздних росписях Грановитой палаты мы видим тоже самое /с нимбом представлено даже изображение Ивана Грозного, а без нимбов - только первые князья-язычники/. В этом отношении появление в начале ХУП в. самозванцев, предававшихся анафеме, как бы способствует дальнейшей сакрализации истинной власти.

С пресечением Рюрикова племени постепенно утверждаются иные представления о правителе, его служении, характере возможной жертвы, страдальчества "за люди своя". Он уже не может пострадать за веру, не может потерпеть от неправедного свзере-

на или феодала соперника, не может даже проявить себя в битве как воин, ибо давно уже изменился идеал правителя. Неизменной угрозой осталась лишь вероятность политических заговоров. Наступает эпоха "благолепного обновления", время правителей честолюбцев, использовавших древнерусские княжеские культы в новой системе координат. Ярчайший тому пример – перенесение Петром мощей Александра Невского и предание почитанию святого воина особого официально-державного смысла, далекого от благодарной памяти народа о "спокойных" князьях удельного периода, приносивших в свои земли мир и тишину.

В заключение отметим, что комплексное исследование древнерусской княжеской святости включает в себя и собственно историко-литературный аспект. Ведь древние тексты выступают не только в качестве источника сведений при рассмотрении сложных проблем истории канонизации /напр., смоленская похвала Ростиславу Мстиславичу/. Принципы изображения человека, внимание древнерусского книжника к тому или иному жанру и, наконец, своеобразие местных литературных школ и традиций – вот некоторые из вопросов, имеющих непосредственное отношение к рассмотренному многоплановому явлению русской культуры. Дает оно и материал для своеобразных микроисторий : положительного /идеального/ героя, художественных коллизий или жанровых форм, сориентированных на отражение конкретного типа героя, проходящего через все русское средневековье.

Примечания

I. Смирнов Лев. Империя культуры. О творчестве Г.П.Федотова // Наше наследие. 1991, № 3, с. 89.
2. Федотов Г. Святые Древней Руси. М.,1990,с.91.
3. Там же ,с.103.
4. Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации /XI-XVIвв./.М., 1986.
5. Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. М.,1992,с.182.
6. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984, с. 129.
7. Пришвин М.М. Из дневников 1931-1952гг. //Наше наследие,1990, №2, с.69.

8. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988, с. 160.
9. Федотов Г. Стихи духовные / Русская народная вера по духовным стихам/. М., 1991, с.99.
10. См.: Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.
11. Федотов Г.П. Религия, государство, мораль.//Вестник Российской академии наук. 1992, № 4, с.123.
12. Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах. Т.I, с.187. М.,1956.
13. Памятники литературы Древней Руси. XIII век.М.,1981,с.462
14. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М.,1986,с.92.
15. См.: Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации, исследователь указывает на вторую пол.XV в. как время епархиальной канонизации Александра Михайловича.,с.194.
16. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.,1976,с.65.
17. Там же.
18. См. об этом : Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988,с.87.
19. Федотов Г. Святые Древней Руси, с.35.
20. Памятники литературы Древней Руси. XIII век.М.,1981, с.414.
21. Русское православие: вехи истории.М.,1989, с.114.
22. Никольский Н.М. История русской церкви.М.,1985,с.106.
23. См. об этом : Каравашкин А.В. Мораль опричников.Проблема насилия в эпоху Ивана Грозного. // Человек.1995,№4, с.164.
24. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века, с.330.
25. Там же, с.34.
26. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Книга первая. Государев двор, или дворец. М.,1990, с.47.
27. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том V. М.; Л.,1949, с.223.
28. Федотов Г. Святые Древней Руси.,с.91.
29. Там же, с.107.
30. Там же, с.107.